

Ин Цинъян и подумать не мог, что его слова окажутся пророческими. Шутка, которую он вскользь обронил перед уходом Великому наставнику, сбылась наяву.

Надо же было умудриться посреди этого глухого, забытого богами ущелья наткнуться на живого человека!

Человек, запутавшийся в раскинутой среди скал гигантской сети, едва дышал — казалось, жизнь теплилась в нем на самом доньшке. Посреди лютой зимы он был одет в тонкое, совсем нехитрое платье; тело его окоченело от холода, а кожу подернула зловещая пепельная бледность. Посиневшие губы красноречиво указывали на то, что бедолага, скорее всего, отравлен ядом.

Не расползайся из раны на лбу багряное пятно, Ин Цинъян решил бы, что перед ним лежит труп.

Сердце юноши дрогнуло от жалости.

Он с секунду вглядывался в благородные черты незнакомца и тут же твердо решил: надо спасать.

И дело было вовсе не в том, что тот оказался на редкость хорош собой. В конце концов, спасение чужой жизни — благодеяние, превосходящее постройку семипалубной пагоды. Как можно пройти мимо умирающего?

Осторожно, то и дело оступаясь, он пробрался по натянутым конопляным канатам ближе и мысленно похвалил себя за предусмотрительность. Сеть вышла на славу — прочная, но податливая. Свалился бы этот бедолага прямо на острые камни, от него бы и мокрого места не осталось.

С трудом удержав равновесие, Цинъян опустился перед раненым на корточки и прижал пальцы к его ноздрям.

Жив! Дышит!

Сложно было представить, в каком положении несчастный летел с кручи, но, если не считать разбитого лба, лицо его почти не пострадало. Черты были на удивление правильными, тонкими и породистыми.

Цинъян невольно залюбовался им, но тут же поспешно отвел взгляд, ругая себя за неуместное любопытство. Хм. Рассматривать человека, пока тот находится на пороге смерти, было верхом неприличия.

С другой стороны, столь примечательной внешностью мог обладать либо сошедший на землю

небожитель, либо отпрыск благородного семейства. Спасти его определенно стоило. Чем не золотая рыбка, о которой он шутил совсем недавно? Самое настоящее золото в его сетях!

Конечно, их маленькая община состояла из беглецов прошлой династии, которые годами избегали любых контактов с внешним миром. Новая империя крепла уже десять лет, но каждый, кто был хоть немного старше самого Цинъяна, помнил кровавые сумерки павшего царства, бесконечные междоусобицы и разорение, принесшие столько горя простому люду.

Привести в деревню чужака без роду и племени — шаг безрассудный и крайне опасный.

И все же, судя по всему, бедолагу либо предали и столкнули в пропасть, желая извести наверняка, либо он сам, устав от невзгод, решил свести счеты с жизнью.

Мысль о том, что незнакомец может оказаться лазутчиком, Ин Цинъян отмел сразу. Кому сдалась их глухомань? Стал бы кто-то рисковать головой ради того, чтобы выведать тайны кучки отшельников.

К тому же лицо раненого внушало невольное почтение — правильные, одухотворенные черты выдавали в нем человека благородного и честного. Такой вряд ли станет угрозой для тех, кто пытается тихо доживать свой век в глуши.

И уж конечно, небесная красота этого юноши тут совершенно ни при чем. Ни капельки.

Ин Цинъян с легкостью успокоил собственную совесть.

— Эй, очнись! Слышишь меня? Не смей засыпать!

Цинъян занервничал. Скинув с себя теплую стеганую куртку, он торопливо набросил ее на плечи раненого, пытаясь сберечь последние крохи тепла.

В такой мороз промедление смерти подобно — если тело окончательно заоченеет, то и без того едва уловимый стук сердца угаснет навсегда.

Единственным благом во всей этой беде было то, что лютый холод замедлил ток крови, а вместе с ним и распространение яда. Будь иначе, отравы давно бы сделала свое черное дело, превратив кровь в черную жижу, и спасать было бы уже некого.

Но едва Цинъян укутал раненого, как тот, вопреки ожиданиям, слабо шевельнулся. Собрав последние крохи сил, незнакомец попытался оттолкнуть его руку.

Ин Цинъян замер в недоумении.

Хотя незнакомец не произнес ни слова, в этом слабом движении сквозило упрямое отторжение и леденящее равнодушие к собственной судьбе. Словно он искренне не желал возвращаться в этот мир.

Глядя на его застывшее, обьятое предсмертной тенью лицо, Цинъян вдруг почувствовал, как в груди закипает глухое раздражение. Все его недавние сомнения и осторожные доводы мигом разлетелись в прах.

Ишь какой гордый! Он что, заделался тут великим праведником, жаждущим умереть? Сам Ин Цинъян отнюдь не был милосердным бодхисаттвой — скорее уж упрямым грешником, привыкшим поступать наперекор всему.

В нем разыграл природный дух противоречия. Насупившись, он сердито проворчал под нос:

— Не желает он, видите ли! Раз уж я тебя нашел, то мне и решать, жить тебе или помирать. Ты сейчас и пальцем пошевелить не можешь, так что терпи, теперь ты полностью в моей воле. Разогнался помирать! Живо на ноги поставлю, а потом заставлю отрабатывать каждую порванную нить на моих сетях! Эй! Слышишь, что говорю? Не смей глаза закрывать! Слышишь?!

Чтобы сплести эти ловушки, ушло столько медных монет, что Ин Цинъяну даже думать о расходах не хотелось — одна мысль о записях в долговой книге отзывалась у него тупой болью под ложечкой.

Он отродясь не занимался делами, которые не приносят выгоды.

С другой стороны, если уж ему втемяшилось что-то в голову — он шел и делал, не заботясь о последствиях. Главное — сиюминутное удовлетворение, а переживать о том, что будет завтра, значит лишь попусту терзать собственный разум.

Ну а если рассудить здраво: этот парень теперь его должник. Позволить ему испустить дух прямо сейчас — значит своими руками похоронить надежду на возврат долга. С кого потом причитающееся спрашивать?

Хоть на словах Цинъян и сердился, руки его действовали с предельной осторожностью. Он бережно приподнял раненого, боясь, что хрупкое тело, уже соприкоснувшееся с ледяным дыханием смерти, рассыплется от любого неосторожного прикосновения.

Этот изможденный, едва живой юноша сейчас походил на надтреснутый фарфор, который мог расколоться от малейшего толчка.

Обрыв этот находился вдали от наезженных трактов. Сложно было вообразить, какими путями несчастный, преодолевая невыносимую боль, добрался до столь дикого места, чтобы в конце

концов рухнуть прямо в расставленные сети.

Цинъян осторожно коснулся запястья незнакомца, прощупывая пульс, а затем бегло осмотрел его раны.

Кое-какие познания в лекарском деле у него имелись — в деревне он немного учился у бывшего придворного целителя.

Правда, прилежанием Ин Цинъян никогда не отличался. Загораясь чем-то новым, он быстро терял интерес, хватался за все ремесла подряд, но ни в одном не преуспел, оставшись вечным недоучкой.

Вот и сейчас он сумел лишь понять, что яд проник глубоко в меридианы, жизненные силы иссякли, а тело покрыто множеством ушибов и порезов. От растерянности он даже не знал, с чего начать.

Посреди ледяного безмолвия, столкнувшись с такой бедой, юноша почувствовал, как по спине струится холодный пот.

Оглядевшись, Цинъян отыскал поблизости несколько ровных сухих веток и соорудил подобие шины, чтобы зафиксировать сломанную ногу бедняги.

Без лишних сожалений отбросив в сугроб свой верный лук и колчан со стрелами, которыми обычно так дорожил, он аккуратно, стараясь не тревожить израненное тело, взвалил незнакомца себе на спину.

Вес, навалившийся на плечи, заставил его удивленно крикнуть.

С первого взгляда было ясно, что незнакомец высок ростом — не меньше девяти чи, — однако весил он совсем мало, будто состоял из одних лишь костей да духа.

Опасаясь, как бы тот не соскользнул, Ин Цинъян подобрал обрывки лопнувших веревок и крепче привязал его к себе.

Ссадины и ушибы — дело поправимое, но если на крутом склоне у него откажут ноги, они оба кубарем полетят в пропасть, и тогда уж точно никто не выживет.

Закончив с приготовлениями, он перевел дух. В этот миг Цинъян искренне порадовался, что вместо скучных занятий с наставником предпочитал целыми днями бродить по горам. Пусть воинскому искусству он так и не выучился, зато силушки и выносливости ему было не занимать.

Возвращаться прежней дорогой было нельзя. Узкая, обледенелая тропка, по которой он легко карабкался налегке, теперь превратилась в смертельную ловушку для двоих.

Выбрав более пологий, хоть и длинный спуск, Ин Цинъян двинулся в путь. Поскольку свою теплую куртку он отдал раненому, первые шаги давались с трудом — мороз быстро пробирал до костей, сковывая движения.

Однако вскоре ходьба сделала свое дело: кровь побежала быстрее, и по телу разлилось приятное тепло.

Холод действительно отступил, но эта крутая тропа быстро умерила его пыл.

Не пройдя и половины пути, Цинъян почувствовал, как силы начинают стремительно покидать его.

Он впервые горько пожалел о том, что устроил свое тайное прибежище на самой верхотуре, из-за чего спуск казался бесконечным.

Спасенный им юноша лежал на его спине безвольной куклой, уткнувшись лицом в шею. Его дыхание было настолько слабым и редким, что Цинъян то и дело со страхом прислушивался, проверяя, бьется ли еще сердце его ноши.

Вокруг расстилалась бескрайняя снежная пустыня. В этой оглушительной зимней тишине раздавался лишь хруст его собственных шагов.

Одиночество и тревога начали давить на разум, и, чтобы прогнать нарастающий страх, Цинъян принялся без умолку болтать с единственным, пусть и безмолвным спутником.

— Хорошо ты устроился, а? Глаза закрыл — и ни одной заботы, разгребай тут за тебя.

Он едва увернулся от торчащего из-под снега острого валуна.

— Ты когда с обрыва сигал, хоть на миг подумал, каково будет тому, кто тебя найдет?

Из-под ветвей неожиданно выскочила белка, заставив его вздрогнуть.

— И на чем тебя только вырастили такого длинного? Вот укоротить бы тебе ноги на вершок-другой, тащить бы стало вполтину легче!

К концу пути Цинъян исходил злостью пуще любого потревоженного духа.

— Эй, приятель... только попробуй не вернуть мне долг...

Сюда он шел налегке, летел по склонам быстрее ветра, не зная преград.

Обратно же брел, спотыкаясь на каждом шагу, согнувшись под тяжестью умирающего тела, едва не падая в сугробы от изнеможения.

Когда впереди наконец показались очертания деревни и тонкая струйка печного дыма, Ин Цинъян готов был разрыдаться от облегчения.

Хрипя и отдуваясь, точно загнанный пес, он остановился у околицы и, сдерживая изо всех сил крик, чтобы не привлечь лишнего внимания, позвал:

— А-Мо!..

В это время в боковом дворе крепкий, плечистый, точно молодая скала, юноша колот дрова, подменяя дядюшек Фэна и Лэя. Наделенный от природы чутким слухом, он уловил знакомый голос, вздрогнул и, отбросив топор, стремительно направился к воротам.

Завидев задыхающегося, обливающегося потом Цинъяна с тяжелой ношей на плечах, А-Мо бросился было на помощь, но хозяин остановил его жестом и торопливо зашептал:

— Быстро зови лекаря Суня в мои покои! Только незаметно, чтобы никто не прознал. Принеси еще пару теплых одеял и согрей воды. Живее!

А-Мо порывался забрать раненого, видя, как тяжело Цинъяну держаться на ногах.

Однако тот покачал головой — несчастный на его спине был слишком слаб, лишняя встряска могла его убить. Решив довести дело до конца, Цинъян сам потащил ношу к дому.

А-Мо молча кивнул и бросился в сторону дома лекаря.

С трудом добравшись до своих покоев, Ин Цинъян бережно опустил незнакомца на постель.

Коснувшись его губ, он ощутил слабое, еле заметное тепло — это легкое дуновение отозвалось покалыванием в его собственных окоченевших пальцах.

«Ну и живучий же тебе достался должник», — подумал Цинъян с невольным восхищением.

Он быстро присел у постели, отодвинул незаметную плашку в полу и достал из тайника крошечный фарфоровый флакон.

Пальцы его заметно дрожали. Нахмурившись, он перевернул пузырек — на ладонь скатилась последняя угольно-черная пилюля.

Склонившись над раненым, Цинъян осторожно сжал его челюсти, унимая дрожь в руках, и настойчиво протолкнул лекарство в приоткрытый рот.

Пилюля была крохотной, но даже это слабое прикосновение заставило угасающее сознание незнакомца отозваться легким спазмом.

Не теряя ни секунды, Ин Цинъян плотно зажал ему рот и нос руками.

Лишенный кислорода, раненый судорожно вздохнул, его грудь резко поднялась, горло дернулось, и он невольно сглотнул зажатую во рту пилюлю.

Как только дело было сделано, Цинъян тут же убрал руки. Юноша на постели тихо, надсадно закашлялся, а спасителя вновь кольнуло глухое чувство вины за столь бесцеремонное обращение.

За окном сгущались сумерки. Багряные лучи заходящего солнца, пробившись сквозь узкую раму, мягко легли на лицо незнакомца, будто смывая с него мертвенную бледность.

Казалось, таинственный странник наконец-то отступил от роковой черты и вернулся в мир живых.

Цинъян наконец смог облегченно вздохнуть. Однако стоило напряжению спасть, как навалилась свинцовая усталость. Ноги его подкосились.

Колени подогнулись, и он с глухим стуком осел на пол прямо у постели.

Именно в этот момент дверь распахнулась, и на пороге появился А-Мо с тазом горячей воды. Увидев распростертого на полу хозяина, он едва не выронил свою ношу.

Семенивший следом лекарь Сунь даже не сразу заметил лежащего на кровати незнакомца — зрелище стоявшего на коленях принца едва не лишило старика чувств.

— Ох, пресветлые небеса, Ваше Высочество! Где же вы так расшиблись? Не дай бог, покалечились... Как же мы теперь великие дела вершить станем, коли вы здоровье подорвете?!

Ин Цинъян лишь досадливо махнул рукой:

— Пустяки, лекарь, ноги просто не держат. Кровь в жилах так бурлила, что тело теперь совсем

не слушается. Ничего, я еще заставлю его повиноваться... — ворчал он, кривясь от мышечной боли.

А-Мо нахмурился:

— Лекарь Сунь, молодой господин опять бредит какими-то странными словами. Осмотрите его скорее!

<http://bllate.org/book/19722/1951418>